

РАЗГОВОР СИЛЛЫ с ЕВКРАТОМ

ИЗ СОЧИНЕНИЙ Г. МОНТЕСКИЭ

Несколько времени спустя после того, как Силла сложил с себя диктаторство¹, услышал я, что слава, приобретенная мною между Философами, возбудила в нем желание со мною видеться. Он тогда находился в Тибурском своем доме, где он вкушал еще первые спокойные минуты в своей жизни. Я ни мало не чувствовал в себе перед ним того замешательства, в какое нас обыкновенно приводит присутствие великого человека. И как скоро мы остались наедине; то сказал я ему: Как, Силла! ты сам избрал то незнатное состояние, которое почти всякому тягостно? Ты добровольно отказался от той власти, какую твоя слава и твое мужество вручили тебе над всеми людьми? Кажется, что щастие по неволе то сделало, что не возвело тебя еще на высшие достоинства.

Евкрат, сказал он мне, что я теперь не стою на позорище мира, то приписать надобно делам человеческим, которые имеют пределы; а не мне. Мне показалось, что я исполнил то, к чему был назначен, когда уже не осталось ничего великого, что бы я делать мог. Я не к тому родился, чтоб управлять спокойно народом раболепным: я люблю побеждать, основывать или испровергать государства, подбирать единомышленников, и наказывать хищников: а что касается до тех мелких подробностей правления, к которым посредственные умы столь сродны, до того медлительного исполнения законов, и до правления военной службы в мирное время; то нет у меня охоты вступать в оные.

Ето весьма странно, сказал я ему, что честолюбие твое столь разборчиво. Мы довольно видели великих людей, которых суетное блистание и пышность правительствующих окружающая мало трогали: но весьма не много было таких, которые бы не ощущали удовольствия от правительствования, и от того, что они заставляли своей суетности воздавать то почтение, кое принадлежало законам.

А я, Евкрат, отвечал он мне, никогда столь мало не ощущал удовольствия, как когда себя видел полномочным обладателем Рима; и когда я, смотря на все стороны, не находил ни соперников, ни неприятелей.

Мне казалось, что когданибудь скажут про меня, что я наказывал одних только невольников. Разве ты хочешь, говорил я сам в себе, чтоб в твоём отечестве не было ни одного человека, который бы мог быть тронут твоею славою? И когда уже ты заводишь тиранство, то разве ты думаешь, что после тебя, сколько бы какой Государь слаб ни был, ласкательство не может его сравнить с тобою, и украсить твоим именем, твоими достоинствами и самыми твоими добродетельми.

Государь! Образ твоего поведения переменяет все мои мысли. Я думал, что ты только честолюбив, а не славолюбив: я довольно видел высоты в твоём духе, но не усматривал в нём величества: вся твоя жизнь показывала мне в тебе такого человека, которого желание повелевать снедает, и который, будучи преисполнен пагубных страстей, охотно обременял себя и стыдом и раскаянием и самою с тиранством соединенною подлостью. Ибо ты напоследок всем жертвовал своему властолюбию: ты зделался страшен всем Римлянам: ты исполнял без всякого ослабления все должности самого строжайшего, какого ещё никогда не бывало, начальства. Сенат не иначе, как с трепетом, взирал на толь неумолимага защитника. Некто тебе сказал: Силла! Доколе ты будешь проливать кровь Римскую? Разве ты над пустыми только стенами начальствовать хочешь? Тогда ты обнародовал те дски, на которых написано было определение жизни и смерти каждого гражданина.

Но сия то вся пролитая мною кровь подала мне возможность оказать самое величайшее в моей жизни дело. Естли бы я управлял Римлянами с кротостию; то что бы в том было за диво, когда бы скука, омерзение и своенравие принудили меня оставить правительствование? Но я отказался от Диктаторства в то самое время, в которое ни один в свете человек не думал, чтоб Дикта-

торство не было моим единственным убежищем. Я предстал пред Римлян, гражданин пред моих сограждан, и я имел смелость им сказать: я готов дать отчет за всю ту кровь, которую я пролил для республики; я буду ответственать всем тем, которые станут на мне взыскивать своих отцов, сыновей, или братьев. Но все Римляне пребыли предо мною безмолвны.

Сие славное дело, о котором ты говоришь, мне кажется очень безразсудным. Правда, ты чрез оное привел Римлян в новое удивление: но как осмелился ты говорить о своем оправдании, и предаваться на суд тем самым людям, которые столь много прав имели тебе мстить?

Когда во всех твоих делах видна была одна только строгость во все то время, в которое ты был правителем; то они превратились в ужасныя преступления, как скоро ты сложил с себя правительство.

Ты называешь то преступлением, что утвердило спасение республики, говорил он мне? Разве ты хочешь, чтоб я смотрел спокойно на то, как Сенату Сенаторы изменяли во угождение тому народу, который думая, что вольность должна простираться до такой же крайности, до какой может и рабство, искал уничтожить и самое правительство?

Народ законами и важностию Сената стесненный всегда старался испровергнуть и то, и другое. Но тот, в ком есть столько честолюбия, чтоб принимать его сторону против законов и Сената, всегда легко может делаться и его обладателем. Таким то образом кончились толь многие республики в Греции и в Италии!

Для предупреждения сего бедствия Сенат принужден был содержать в непрестанной войне столь непокоривый народ. Он против воли принужден был опустошать свет, и покарять толикое множество народов, которых послушание нам тягостно. Теперь, когда уже вся вселенная не может поставить против нас неприятеля, то какой судьбины должна уже ожидать республика? А без меня мог ли бы Сенат воспрепятствовать народу во время его спешнаго к вольности стремительства, чтоб он не отдался Марию², или и всякому тиранну, который бы только обнадежил его независимостию?

Боги, которые в большую часть людей вложили подлое честолюбие, присоединили и к вольности почти столько же бедствий, сколько и к рабству. Но сколь бы ни велика была цена сей благородной вольности, однако надобно ее заплатить богам.

Море поглощает корабли, оно потопляет и целые земли; однако оно роду человеческому полезно.

Потомство будет судить то, чего Рим следовать еще не осмелился: оно увидит, что я мало еще здесь зделал кровопролития, и что не все соучастники Мариевы были изгнаны.

Надобно признаться, Силла, что ты меня удивляешь. Как! ты для благоденствия твоего отечества зделал столько кровопролития? И ты имел к тому усердие?

Евкрат, я никогда не имел такой сильной любви к отечеству, какой тоlikое множество примеров находим в первых временах республики. Я столько же люблю Кориолана, который меч и огонь простер даже до стены своего неблагодарного города, и который заставил каждого гражданина раскаиваться о той обиде, какую ему каждый его гражданин зделал; как и того, который выгнал Галлов из Капитолии. Я никогда не искал чести в раболепстве к обществу мне равных: и сия любовь столь много похваляемая есть больше низка, нежели чтоб быть совместной с великостию моей души. Я следовал единственно моим рассуждениям, а особливо тому презрению, в каком я имел всех людей. По тому одному, как поступал я с тем народом, который один только был велик в свете, можно рассуждать о безмерности моего презрения ко всем прочим.

Я рассуждал, что когда я живу в свете; то надобно, чтоб я был волен. Естли бы я родился у варваров, то я бы старался восхитить престол не для того, чтоб повелевать, но чтоб не повиноваться. Родившись в республике я заслужил славу завоевателя, ищущи только славы быть вольным человеком.

Как я вошел с моими воинами в Рим, то не было тогда во мне ни ярости ни мщения. Изумленных Римлян я судил без ненависти и без жалости. Ты уже волен, говорил я сам о себе, так не ужели хочешь жить в рабстве? нет: так умри; ибо ты умрешь с тем преимуществом, что умер гражданином города вольного.

Отнять вольность у того города, котораго я был гражданином, почитал я за самое величайшее преступление. Я наказал уже оное: так я нимало о том не забочусь, доброй ли я или худой был человек в республике. Между тем праотеческое правительство возобновилось: народ загладил все то безчестие, какое он зделал благородству: страх обуздал зависть, и Рим никогда не был столь спокоен, как ныне.

Вот те причины, которые принудили меня представлять плачевные позорища, кои ты видел. Если бы я жил в нынешнее благополучное время республики, когда граждане живучи спокойно в своих домах предавали богам свои души вольными; то бы ты увидел меня живуща в сем уединении, до которого я иначе достигнуть не мог, как чрез пролитие толикаго множества крови и поту.

Государь! Сказал я ему: велика милость от богов к роду человеческому, что они предохранили его от большого числа таких людей, каков ты. Мы рожденные для посредственности, чувствуем всю тягость сих высокопарных душ. Как скоро человек возлетает выше человечества, то он весьма дорого становится всем прочим.

Ты геройское честолюбие почетши страстию обычайною, следовал одному разумному честолюбию. Не насыщенное желание владычествовать усмотренное тобою в некоторых гражданах, принудило тебя показать в себе человека чрезвычайнаго: любовь к своей вольности заставила тебя взять смелость быть страшным и безчеловечным. Кто скажет, что геройство правильное пагубнее геройства стремительнаго? Но если для избавления себя от рабства за нужно ты почел принять Диктаторство, то как ты осмелился его с себя сложить? Народ Римский, скажешь ты, видел тебя и безоружна, но не зделал никакова покушения на твою жизнь. Сия опасность тебя миновала; но другая, еще большая может быть, висит над тобою. Может статься, что какой нибудь злодей воспользуясь твоею умеренностию посрамит тебя среди множества покорнаго тебе народа.

Я заслужил себе имя, сказал он мне; и одного его довольно мне будет для моей и народа Римскаго безопасности. Сие имя пресечет все предприятия, и в свете нет такого честолюбия, котораго бы оно не устрасило. Силла еще дышет, и его дух сильнее, нежели дух всех Римлян. Силла имеет при себе Хиронея, Оркомена и Сигниона. Силла каждой Римской фамилии показал по страшному образцу. Каждый Римлянин меня будет иметь пред глазами, и в самом сие окровавленный мой образ являться ему будет: ему будут видеться и смертоносные дски, и то, что будто он читает свое имя в заглавии там прописанных. Хотя тайно и ропщут на мои законы, однако никакие струи Римской крови смыть и уничтожить их не могут. Разве я не в середине Рима нахожусь? Вы найдете еще у меня тот дротик, которой я имел в Оркомене, и щит, который я в нес на Афинские стены³; А что я не имею лик-

торов, так разве я уже стал не Силла? Я имею на своей стороне Сенат с правосудием и законами; Сенат имеет на своей стороне мой дух, мое щастие и мою славу.

Ето правда, сказал я ему: когда кто однажды зделался комунибудь страшен, тот всегда соблюдает при себе несколько прежняго преимущества.

Без сумнения, так, сказал он. Я привел людей в изступление; и сего уже много. Приведи себе на память историю моей жизни, ты увидишь, что я все делал по сему правилу, и что оно было душею во всех моих делах. Вспомни мои завязки с Марием: мне весьма досадно было смотреть, что человек незаслуживший себе никакого имени, гордясь низкостию своей природы, покушался вмешать первейшия поколения Римския в толпу народа: и при сих обстоятельствах, я терпел все рвения великой души. Я был еще молод, но я вознамерился дойти до такого состояния, чтоб мог потребовать у Мария отчета в его презрительствах. В етом я на него напал с собственным его оружием, то есть, победами, одержанными над врагами республики.

Когда по слепому определению рока я должен был выступить из Рима, то я поступил таким же образом: я пошел войною на Мифридата⁴, и надеялся сразить Мария, победив его неприятеля. Между тем, как я оставил сего Римлянина пользоваться своею властью над чернью, умножал я его страхи; и принудил его ходить ежедневно в Капитолию возсылать благодарение богам за те успехи, которыми я приводил его в отчаяние⁵. Я вел с ним войну о славе несравненно жесточайшую, нежели какую имели мои легионы с Царем варварским. Я не выпустил из моих уст ни одного слова, которое бы не означало моей смелости: и самыя мелкия мои дела будучи производимы с гордостью были для Мария пагубным предзнаменованием. Напоследок Мифридат стал просить мира: договоры были основательны: и естли бы Рим был спокоен, или естли бы мое щастие было сумнительно, то бы может статься я их принял. Но худое состояние моих дел принудило меня оныя ожесточить: я стал требовать, чтоб он уничтожил свой флот, и чтоб он соседственным своим Царям возвратил все те области, которые он у них отнял. Я оставляю тебе, говорил я ему, праотеческое твое царство; тебе, который должен меня благодарить еще и за то, что я оставил тебе ту руку, которою ты подписал указ умертвить в один день сто тысяч Римлян⁶. Мифридат пребыл против сего безмолвен, а Марий востепетал и в середине Рима.

Сия самая смелость, которая мне столь хорошо послужила против Мифридата, против Мария, против его сына, против Фелезина, против народа; которая подкрепляла мое Диктаторство, сохранила мне жизнь и в тот день, в которой я оное оставил: а сей день уверяет меня о моей вольности и на всегда.

Государь! Сказал я ему: и Марий также рассуждал, как и ты, когда, обагрённый кровию своих неприятелей и Римскою, оказывал такую же смелость, какую ты наказал. Правда: ты одержал несколько более Мария побед, и больше показал излишеств. Но принимая Диктаторство, ты сам показал пример того же самого преступления, за которое ты казнил. Сему то примеру следовать будут, а не примеру неустрашимости, которому удивляться только станут.

Когда боги попустили, чтоб Силла безбедственно зделал себя Диктатором в Риме; то они на всегда уничтожили в нем вольность. Надобно им делать очень много чудес, чтоб утушить в сердцах Римских полководцов желание царствовать. Ты им показал, что есть еще гораздо надежнейший способ к получению тирании, и к сохранению ея в безопасности. Ты выпустил в народное сведение сие таинство, и уничтожил то, что только одно могло делать граждан весьма богатой и весьма великой республики добрыми, то есть, безнадежность дойти до того, чтобы быть в состоянии ее утеснять.

Он изменился в лице, и несколько времени умолк. Я боюсь, сказал он мне с смущением, того только человека, в котором я нахожу многих Мариев. Случай, или непреодолимая судьба спасла его от моих рук. Я непрестанно на него смотрю; я испытываю его душу, он кроет в ней весьма дальновидныя замыслы. Но естьли он когда нибудь задумает владычествовать над людьми, которых я зделал себе равными; то кленусь богами, что я накажу сию его дерзость.

КОНЕЦ

Ш. Л. Монтескье Разговор Силлы с Евкратом

Печатается по: Монтескье Ш.Л. Разговор Силлы с Евкратом // Монтескье Ш.Л. Лисимах. Из сочинений г. Монтескиэ. ; [Перевел С.Башилов]. - [СПб.: Тип. Акад. наук, 1769]. С.14-30. Первая и единственная публикация на русском языке.

«Разговор Силлы с Евкратом» был написан в середине 1720-х годов, предположительно он был прочтен в клубе Антресоля в конце 1727 г. или в начале 1728 г., но был напечатан лишь в 1745 в *Mercure de France*

¹ *Луций Корнелий Сулла* (138–78 до н. э.) после успешной войны с Митридатом вернулся в Италию и восстановив шаткий гражданский мир, стал первым «диктатором» республики (82 г. до н. э.) с неограниченным сроком своих полномочий. Во время диктатуры «во имя народа» и на «благо республики» были проведены многочисленные административные реформы и многие знатные и богатые граждане были репрессированы. В 79 г. до н. э. он неожиданно сам снял с себя консульство и ушел на покой.

² *Гай Марий* (158/157–86 года до н. э.) — древнеримский полководец и государственный деятель. Был из рода всадников и благодаря боевым заслугам и покровительству Сципиона ок. 120 г. до н. э. избирается трибуном. С этого начинается его административно-военная карьера. Затем последовали нумидийская кампания и война с германцами, после которых Мария в Риме ждал триумф и должность консула. Он в короткие сроки проводит военную реформу и создает профессиональные войска для обороны Итальянского п-ва. Последовавшие битвы с тевтонскими племенами (102 г.), а затем с кимврами спасли Рим от уничтожения. После побед на поле боя Марий добивается должности консула, но оказывается беспринципным политиком с деспотическими наклонностями. Его удаляют из Рима, а на войну с Митридатом отправляется вместо него Луций Корнелий Сулла (138–78 до н. э.). Марий, воспользовавшись моментом, берет Рим силой в 87 году до н. э. и устраивает невиданный до того террор. Устроенная впоследствии «чистка» диктатора Суллы была не менее кровавой, но «прикрытой» законом.

³ Сулла завоевал Афины в 87 г. до н. э.

⁴ *Митридат VI Евпатор, Дионис* (132–63 до н. э.) — царь Понта, правивший в 120–63 гг. до н. э. Считал себя наследником эллинистической культуры и стремился к объединению греческих полисов на побережье Понта и в Малой Азии. Естественным противником стала крепнущая в имперских амбициях Римская республика, с полководцами которой он постоянно сталкивался на полях сражений в том числе с Суллой.

⁵ В действительности Марий умер до побед Суллы.

⁶ Митридат приказывал убивать всех тех, кто говорил на итальянском языке.